

ВТОРОЙ ЛИСТЬ ГАЗЕТЫ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 4370.

Суббота, 15го Августа, 1898 г.

№ 4370.

Царь-Освободитель Императоръ Александръ II.

ЖЕСТОКАЯ ЗАГАДКА.

(Рассказ).

Съ англійскаго.

Жеральдина, недавно вышедшая замужъ, стала вдруг грустна и задумчива. Однако ей мужъ былъ все такъ же ласковъ съ нею и внимателенъ, какъ и мѣсяцъ тому назадъ, когда онъ приходилъ, бывало, по вечерамъ пить чай въ скромную гостиную ея матери и подносить ей букеты свѣжихъ цвѣтovъ, глядя по сезону. Если послѣ свадьбы цвѣты рѣжѣявались въ ея вазахъ, то Жеральдина врядъ-ли могла на это пожаловаться; подарки, получаемые ею теперь отъ мужа, были гораздо существеннѣе и полезнѣе. Это были именно такого рода подарки, которые приятны всякой молодой хозяйкѣ дома. То въ углу гостиной появлялся прелестный японскій столикъ, усѣянный цвѣтами, между которыми порхали удивительные птички: все это какъ будто расцвѣло и вывелось за ночь. Другой разъ она вдругъ замѣчала на одной изъ стѣнъ своей комнаты хорошенѣкую картишку Ватто со невѣроятной, но восхитительной пастушкой, съ разукрашенными лентами посохомъ въ рукахъ, посреди бѣленькихъ расченаныхъ барашковъ, настоящихъ франтовъ изъ породы блеющіхъ. Однимъ словомъ, бѣленький домикъ, обвитый дикими виноградомъ и жасминомъ, быстро наполнился артистическими хорошенѣкими бездѣлушкиами, принесенными любящей рукой. Почему же Жеральдина, о которой такъ нѣжно заботился молодой мужъ, была такъ озабочена и волнована? Какая коварная змѣя скрывалась въ цвѣтахъ хорошенѣкій виллы?

Не была-ли она грустна потому, что родные ея мужа не желали, чтобы онъ женился на ней, такъ какъ ея общественное положеніе было скромнѣе, чѣмъ положеніе его семьи, и они отказывались принять ее? О, нѣтъ.

Увѣренность въ любви ея возлюбленного Осмонда вознаграждала ее вполнѣ за непроположеніе къ ней ея важнаго свекра, аристократической свекрови и за нелюбезность сестеръ мужа, которыхъ она никогда не видала и вовсе не желала знать. Одна мысль о встрѣчѣ съ однимъ изъ членовъ этой высокомѣрной и надменной семьи повергала ее въ такой ужасъ, что Осмондъ иногда потѣщался надъ нею.

Впрочемъ, она рѣдко вспоминала о нихъ, и не это, какъ мы уже говорили, было причиной глубокой грусти, омрачившей ея прелестное лицо.

Причина ея горя лежала глубже. Вотъ уже двѣ недѣли, какъ что-то непонятное и тревожное происходило въ миломъ гиѣздышкѣ съ розовыми шторами, где она сначала была такъ невѣразимо счастлива. Какая то тайна окружала ее.

Перемѣна, происшедшія въ ея жизни, началась на другой день послѣ поступленія къ нимъ новой горничной.

Это была высокая красивая дѣвушка, лѣтъ двадцати пяти, съ изящнымъ манерамъ, изысканно-вѣкликая и говорившая чисто и правильно, что это было просто удивительно для прислуги.

— Какой злой гений винущий мнѣ мысль нанять эту дѣвушку! — говорила себѣ съ огорченіемъ видомъ молодая хозяйка въ этотъ моментъ, когда мы знакомились съ нею.

Горькія слезы капали часто, часто на японскія розы и на выводокъ различныхъ птичекъ. Ахъ! зачѣмъ она не оставила прежнюю служанку! Та была некрасива и неуклюжа. Кроме того, она имѣла особенную способность портить всѣ блюда. Нужды нѣтъ.. Новая еще ничего не испортила... нѣтъ, ничего, кроме ея «счастій»! Эта злосчастная дѣвушка все дѣлала въ совершенствѣ! Осмондъ казался въ восторгѣ. Можно было подумать, что имъ сокровице упало съ неба.

— Я ее ненавижу! — повторяла Жеральдина сердито.

Какъ бы для большаго подтвержденія своихъ словъ она стучала маленькимъ кулачкомъ по столу и клялась сама себѣ, что она заплатить ей за мѣсяцъ, отправить ее сегодня же вѣчеромъ и возьметъ маленькую брюнетку, которую ей рекомендовала одна изъ ее пріятельницъ.

Маргери, прогнанная ею безъ похвального свидѣтельства, не найдетъ себѣ другого мѣста; ей ничего болѣе не останется, какъ идти въ рабочій домъ. И подѣлѣть ей будетъ! Распорядившись такимъ образомъ будущей судьбой ненавистной ей служанки, молодая женщина достала изъ кармана батистовый носовой платокъ, свернула его клубочкомъ и стала сильно и сердито тереть свои хорошенѣкіе голубые глазки, опущенные темными рѣсенками, и прелестное шестнадцатилѣтнее лицо, которому улыбка пристала болѣе, чѣмъ слезы.

Вотъ что случилось на другой день поступления Маргери Лемамъ въ домъ жи Осмондъ Фицджемсъ по горячей рекомендациѣ священника, хотя этотъ священникъ былъ ей также мало извѣстенъ, какъ и служанка, рекомендованная имъ. Въ этотъ день Жеральдина пошла послѣ обѣда навѣстить одну изъ своихъ знакомыхъ. Не заставъ ее дома, она вернулась гораздо ранѣе того, какъ ее ждали. Каково же было ея удивленіе, когда, подходя къ своему бѣлому домику, она услыхала чрезъ открытыя окна чудные и могучіе звуки Шопеновскаго вальса, мастерски исполненного.

Она легла, заснула и на другой день проснулась съ увѣренностью, что все это видѣла во снѣ.

Впрочемъ, она слѣдила за тѣмъ, что происходитъ вокругъ нея, и результатъ ее наблюденій явился пріпадокъ отчаянья и слезъ, во время котораго мы ее застаемъ. Она замѣтила ключъ, который былъ у нея въ карманѣ, она безъ шума отворила входную дверь и, замирая отъ любопытства, тихо про크лалась въ домъ, точно чужестранецъ въ заколдованный замокъ. Но передъ полуутворенной дверью гости-

ной она остановилась, и сердце ея забилось по совершиенно непонятной ей причинѣ.

Послѣднія ноты вальса тихо замерли, и она только что хотѣла войти въ гостиную, какъ звукъ мужскаго голоса заставилъ ее вздрогнуть. Какимъ образомъ въ этотъ часъ дня мужъ ея былъ дома?

— Ты дивно играешь, Маргери, — ласковымъ голосомъ говорилъ Осмондъ, — и твоя чудная игра напоминаетъ мнѣ счастливые прежніе годы.

Итакъ, панистка была Маргери! Да, Маргери, служанка для черной работы, которая по утрамъ чистила ботинки и мыла посуду! Она передавала такъ тонко мысль Шопена! Съ нею говорилъ такъ нѣжно Осмондъ! Ея игра напоминала ему «счастливые прежніе годы».

Кто же была эта женщина?

Ужасное подозрѣніе вkrалось въ сердце бѣдного ребенка и причинило ему жгучую боль.

Таинственная служанка начала играть сонату Бетховена. Жеральдина воспользовалась громкимъ звуками, извлекаемыми искусствами руками, и вышла на цыпочкахъ изъ дома, такъ же тихо, какъ и вошла.

Въ теченіе двухъ часовъ она безцельно бродила по улицамъ Лондона; сердце ея было полно одною только мысли, и одна и та же загадка представлялась ей подъ различными видами.

Кто была эта женщина? Съ какой цѣлью поступила она къ ней въ служение? Зачѣмъ онъ женился на ней, если любилъ другую?

Когда сознаніе дѣйствительности вернулось къ ней, наконецъ, она увидела, какъ далеко очутилась отъ своего дома, и что она находится въ пустынномъ и незнакомомъ ей кварталѣ. Ей стало жутко, и она поспѣшила взять извозчика.

Когда г-жа Фицджемсъ вернулась къ себѣ, разбитая отъ чрезмѣрной усталости, физической и нравственной, она застала Маргери въ кухнѣ за чисткой картофеля къ ужину и присматривающей за сладкимъ пирогомъ, посаженнымъ въ печь. Осмондъ былъ еще въ своей kontorѣ.

Жеральдина схватилась за голову, какъ бы для того, чтобы выяснить себѣ эту тайну. Но это было невозможнo! Ужасная головная боль должна была вызвать галлюцинацію... Все теперь казалось такъ просто и естественно!

Она легла, заснула и на другой день проснулась съ увѣренностью, что все это видѣла во снѣ.

Впрочемъ, она слѣдила за тѣмъ, что происходитъ вокругъ нея, и результатъ ее наблюденій явился пріпадокъ отчаянья и слезъ, во время котораго мы ее застаемъ. Она замѣтила ключъ, который былъ у нея въ карманѣ, она безъ шума отворила входную дверь и, замирая отъ любопытства, тихо проクリалась въ домъ, точно чужестранецъ въ заколдованный замокъ. Но передъ полуутворенной дверью гости-

чистить овощи и мыть кастрюли. Мысль о галлюцинаціи совершенно исчезла при видѣ этихъ тонкихъ длинныхъ пальцевъ. Самая ужасная подозрѣнія приходили ей въ голову.

Однако она не рѣшилась исполнить своего первого намѣренія и прощать отъ себя причину своихъ страданій, въ которой она призналась не хотѣла. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждала она какогонибудь повода къ этому, хотя бы разбитой тарелки.

Однажды, когда Маргери была вызвана на собраніе общества прислуги, гдѣ долженъ быть обсуждаться вопросъ о восемьчасовомъ рабочемъ днѣ, Жеральдинѣ понадобился ножикъ, и она отправилась за нимъ въ нижній этажъ, гдѣ помѣщалась кухня. Открывъ ящикъ буфетного шкафа, чтобы взять оттуда, что ей было нужно, она увидала начатое письмо, наполовину выпавшее изъ бювара.

Тайна, подтачивавшая ее, и сильнейшее желаніе узнать истину, пересилили ея природную деликатность. Дрожащей рукой она взяла письмо и прочла слѣдующія строки:

«Дорогой Франкъ».

«Я очень довольна своимъ положениемъ. (Не смѣйся! иначе я, чтобы наказать тебя, останусь здѣсь дольше, что заставитъ насъ отложить день нашей свадьбы). Мѣсто покойное и пріятное. Это все, что надо для начала. Моя молодая хозяйка прелестное малѣкое созданіе, миниатюрное, грациозное и безбѣдное, съ пріятнымъ голосомъ, звонкимъ, какъ серебристый колокольчикъ. Ея движенія, то быстрыя и гибкія, то плавныя и грациозныя, напоминаютъ мнѣ нашу бѣлую ангorskую кошечку Тини. Эта крошка восхитительна и въ то же время забавна въ своей роли хозяйки дома. Каждое утро изъ яицъ розовыхъ устъ на меня сыплется масса мелкихъ приказаний, которыхъ она отмѣняетъ секунду спустя. Она точно упражняется въ умѣніи властвовать и распоряжаться, и эти упражненія бываютъ такія же удивительныя, какъ иѣ, которыхъ она продѣлываетъ съ себѣ рояль. Въ ея интересахъ, какъ и въ моихъ, я исполняю только четвертую часть ея приказаний, но ея птичка головка не замѣтаетъ этого. Впрочемъ, эти дни съ нею что-то происходит, не знаю, что. У нея подчасъ бываютъ заплаканные глазки, и она задумчива. Надѣюсь, что у нея нѣтъ сердечнаго горя.

Моя молодая хозяйка мало чему училась, но у нея много природного ума, способность говорить много и съ одушевленіемъ, когда она чувствуетъ себя въ нормальномъ состояніи. Однимъ словомъ, Жеральдина каково нахальство! Прелестная игрушечка, птичка, цвѣтокъ, драгоценное украшение, крошечное созданіе, которое можно было бы принять за довольно незначительное существо, еслибы у нея не было како-то необычайной прелести, которой прежде всегда говорила съ нею.

И онъ громко позвалъ:

— Маргери!

Красивая дѣвушка прибѣжалась изъ кухни и сразу пойтила, въ чёмъ дѣло. Она тоже стала на колѣни подѣлѣ Жеральдина, стараясь взять ее за руки.

— Взгляды на насъ своими хорошенѣкими голубыми глазками, возлюбленная моя! — сказалъ Осмондъ съ тѣмъ обожаніемъ, съ которымъ прежде всегда говорила съ ней.

— Но вѣдь я обожаю тебя, маленькая безумица Жеральдина, дорогое дитя мое... ты узнаешь объясненіе этой тайны...

И онъ громко позвалъ:

— Маргери!

Красивая дѣвушка прибѣжалась изъ кухни и сразу пойтила, въ чёмъ дѣло. Она тоже стала на колѣни подѣлѣ Жеральдина, стараясь взять ее за руки. — Взгляды на насъ своими хорошенѣкими голубыми глазками, возлюбленная моя! — сказалъ Осмондъ съ тѣмъ обожаніемъ, съ которымъ казалось, объяснялъ что-то въ полголоса своей сосѣдкѣ. Въ несоколькихъ шагахъ

простить имъ то невольное огорчение, которое они причинили тебѣ. Вотъ видишь, я представляю тебѣ мою младшую сестру, мою любимицу, гордость семьи, знаменитую Маргери, автора того романа, который я читалъ тебѣ на той недѣлѣ.

Ты старался шутить, чтобы разсѣять тучи, которая еще заволакивала чело молодой женщины.

Полу-убѣждѣнія, Жеральдина подняла на нихъ свое блѣдное лицо и голубые глазки, полные слезъ, точно незабудки на берегу ручья.

— Осмондъ правду говоритъ, милая сестра, — тихо сказала Маргери. — Поступивъ къ вамъ въ качествѣ служанки, я имѣла цѣль изучить бытъ прислуги, что мнѣ нужно для изображенія типа въ моемъ будущемъ романѣ. Кстати, я этимъ извлекла двойную пользу, потому что я въ то же время узнала въ Жеральдинѣ, и полюбила...

Молодая женщина, совершенно усвоенная, бросилась на шею Маргери съ той дѣтской живостью, которая дѣлала ее такой обаятельный.

Представите-ли вы тоже вашимъ читателямъ тинь глупой молодой хозяйки, которая не умѣетъ отдавать приказаний? — спросила она съ шаловливой улыбкой.

— Ахъ! я была безумна, совсѣмъ беззумна! Простите меня за мою глупую подозрительность. Какъ это я не отгадала ваше родство? Вѣдь вы похожи другъ на друга, какъ два близнеца, точно два пѣвца, распустившиеся на вѣтвяхъ!

Она смирилась отъ радости, обнимая за-разъ брата и сестру и увѣряя, что теперь она нѣсколько не боится своей хорошенѣкій невѣстки, которая была для нея страшилищемъ, когда она знала ея.

На столѣ давно стоялъ горячій завтракъ, отъ которого шелъ паръ, но онъ попадалъ простыналъ. Первая, наконецъ, вспомнила о немъ Маргери. Она встала съ колѣнь, весело и грациозно отбросила снятый съ себѣ фартукъ и хорошенѣкій чепчикъ служанки, поправила завитки своихъ темныхъ волосъ передъ зеркаломъ и поставила для себя третій стулъ, между Осмондомъ и Жеральдиной. Потомъ она почтительнымъ тономъ, заставившимъ всѣхъ разсмѣяться, сказала, громко обращаясь къ хозяйкѣ съ поклономъ:

— Кушать пожалуйте, сударыня.

Подѣлѣженія.

(Исидора Купиевича*).

На террасѣ отеля сидѣла младшая блондинка въ свѣтломъ батистовомъ платьѣ и глядѣла на море. Гозѣя це, опернись о каменныхъ перила, стояла высокій мужчина съ темными смуглыми лицомъ и блестящими, точно у гипнотизера глазами, и казалось, объяснялъ что-то въ полголоса своей сосѣдкѣ. Въ несоколькихъ шагахъ

*Переводъ съпольскаго. *Х. Г. В.*.

Его Императорское Высочество Великий Князь Константинъ Николаевичъ.

Памятникъ Императору Александру II въ Москвѣ.—Лицевая сторона памятника; видъ отъ Чудова монастыря.

отъ нихъ дремала въ креслахъ уже сбѣлая, но еще изящная и элегантная лада. Море было безыконо, вѣтшено вѣтромъ. Темнозеленый вѣнъ съ шумомъ разбивался о моль, а цѣлая изъ хребтахъ казалась багровой въ лучахъ заходящаго солнца.

Молодая женщина разсѣянно смотрѣла на волны, а брова ея ежеминутно гибвино морщилась.

какъ бы отвѣтъ на собственныя размышленія, продолжать говорить еще больше тихимъ голосомъ:

— Никто не замѣтитъ этого... Мы сѣли бы въ лодку на рыбачьей пристани, где по вѣтру не илья никого. Матеръ наше вы тоже можете очень легко объяснить эту вечернюю прогулку. Въ нашемъ отѣлѣ живетъ ваша приятельница г-жа Мюленъ, который до сихъ поръ наша мать лично не

— Мама, уже холодно... Пора намъ идти на верхъ!..

Старуха тяжело поднялась съ кресла и, опираясь на руку дочери, ушла съ террасы, съ улыбкой кинувъ головой молодому человѣчку..

— О чёмъ вы опять говорили такъ долго?— спросила мать, войдя въ занимаемое ими помѣщеніе.

— Какъ и всегда, обо всемъ и ни о чёмъ... — нехотя отвѣчала молодая лада. — Какъ, мама, вы думаете, скоро ли я получу отъ Георгия отвѣтъ на мое послѣднее письмо?..

Мать задумалась.

— Богъ знаетъ, дитя мое... Тебѣ вѣдь известенъ его характеръ! Нечего и говорить, — она чудакъ, но сердце у него доброе, и я предчувствую, что если бы ты написалаъ Ему честно, искренно, откровенно — такъ, какъ подобаетъ писать женѣ къ мужу, то онъ перестанетъ дуться на тебѣ... Какъ бы я желала, чтобы эти наши постоянные семейныя недоразумѣнія наконецъ совершенно прекратились!

Молодая женщина долго сидѣла молча, закрывъ лицо руками, изъ подъ которыхъ вырывались слезы.

— Если бы я могла хотя знать, что онъ еще любить меня... что онъ думаетъ обо мнѣ!.. — прошептала она славленіемъ поть волненія го ловомъ.

Медленно подошла она къ раскрытыму окну. На затинутомъ тучами

Памятникъ Императору Александру II въ Москвѣ.—Задняя сторона памятника: видъ со стороны нижняго Кремлевского сада.

— И такъ — илья? Рѣшительно илья? — шепталъ мужчина. — Я не понимаю вѣстъ... Вѣдь я требую отъ васъ сущій пустякъ; за столько страданій, за мое чувство къ вамъ — я прошу только одной, только маленькой милости... Умоляю вѣстъ обѣдомъ... проѣхаться только одинъ разъ въ лодкѣ вдвоемъ? Вѣдь это питья не грозитъ вамъ... Въ первую лунную ночь поплыли бы мы себѣ въ сторону Веджайи. Смотрите, какъ чудно рисуются отсюда ея берега!..

— Перестаньте, — отвѣчала нетерпѣливо женщина.

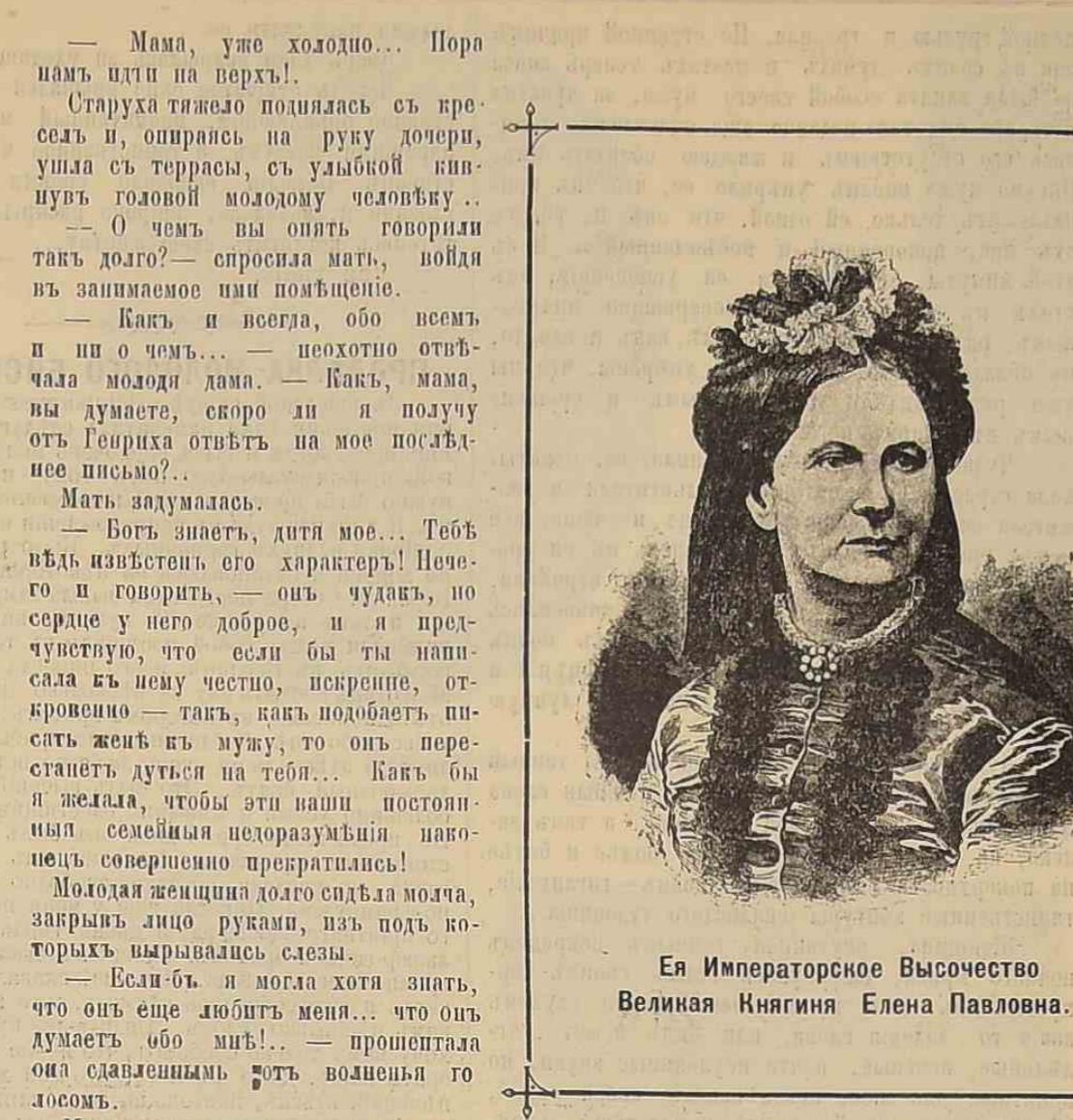
Мужчина на время умолкъ, но потомъ,

знаетъ. Г-жа Мюленъ уже два дня больна и, по всей вѣроятности, не скоро покинетъ постель; поэтому, я полагаю, что ваша мать не будетъ въ претензіи, если вы ей скажете, что, тронутая ея несчастіемъ, вы идете провѣдать больную...

Женщина гибвино вскочила со стула.

— Довольно... — сказала она. — Я убѣдилась теперь, что вы за человѣкъ, и, зная ваши достоинства, буду съ этой минуты избѣгать васъ...

— А я, — возразилъ мужчина, поклоняя свою красивую голову... — Я буду въ каждую лунную ночь ждать васъ по ветрамъ на рыбачьей пристани...

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елена Павловна.

Закладка памятника Императору Александру II въ Москвѣ въ маѣ 1893 года.

небѣ не видно было ни луны, ни звѣздъ. Среди мрака, нависшаго надъ всѣпѣніемъ, дико шумѣющими моремъ, выдѣлялся только длинный, приво изогнутый рядъ огней надъ набережной, въ домахъ Волоки и Ріеки. Вдали направо мерцали двѣ свѣтлые точки, — окиа таверны, на Веджайи; по временамъ они сверкали багровымъ блескомъ, будто страшные глаза притаившаго въ темнотѣ чудовища, готоваго кинуться на жертву. Но молодая женщина относилась безучастно къ растягивающейся предъ нею картины... Мысли ея летѣли туда, по сѣверу, полныя блаженства, ожидания и грусти... Принесетъ ли ея письмо желанный результатъ? Откроетъ ли оно наконецъ для нея сердце этого странного, непонятного человѣка, котораго она любила и, болѣла въ то же время? Скоро ли окончатся эти безконечные дни тяжелыхъ сомнѣй, одиночества и тревогъ?.. Столько уже нѣдѣль прожила она, томясь этой неуверенностью, не замѣтая всего того, что происходило вокругъ нея, прислушиваясь только къ порывамъ своего сердца...

Вдали, на морѣ, показался красный огонекъ и стала подходить все ближе и ближе. Это шель последній пароходъ изъ Ріеки. Кто знаетъ, можетъ быть онъ везетъ письмо отъ ея мужа?..

Въ эту минуту она думала только о мужѣ, а душа ея волновалась отъ тяжелыхъ тревогъ, точно это море,

безумно бьющееся теперь о скалы у подножья отеля.

«Дорогая моя! Наконец-то ты написала ко мне просто искренне. А я такъ долго ждалъ этого! Не думай, чтобы миъ не было тяжело, что я не страдалъ, благодаря тѣмъ недоразумѣніемъ, которымъ въ послѣднее время произошли между нами... Ты вѣдь знаешь, какъ и скрѣть, что я хорошо въ глубинѣ души моей все, — и что радуетъ, и что печалитъ меня. Твои искреннія слова все же успокоили меня и миъ теперь кажется, будто онъ сорвалъ желѣзныя оковы съ груди моей. Дольше я ужъ не въ силахъ молчать, долженъ быть откровененъ съ тобой... И какъ ты могла когда-либо сомнѣваться въ моихъ чувствахъ къ тебѣ... Только ты одна была всегда цѣлью моей жизни, идеомъ моихъ порывовъ, всѣхъ моихъ мыслей и стремлений... Я не умѣлъ тебѣ этого доказать, вину тому — моя природа... я всегда былъ и останусь чудакомъ! Я слишкомъ впечатлителенъ, равнѣ къ добру и злу, если оно идетъ отъ дорогого миъ человека. Твое милое письмо было причиной того, что я наконецъ очнулся. Письмо твое обновило меня, дало миъ новые силы. Миъ чудится, будто вдругъ все мое существо охвачено теперь обѣтанными крыльями свѣтлой, лучезарной весны... О, какъ бы я хотѣлъ быть какъ можно скорѣе возлѣ тебя и вымолитъ у тебѣ прощеніе за все то, чѣмъ я огорчилъ тебѣ!.. Черезъ недѣлю, не позже — черезъ двѣ, какъ только позволятъ миъ дѣла, помчусь къ тебѣ... Просу тебѣ — вѣрь миъ... Я подчасъ бываю грубъ, даже холоденъ на видъ; тѣмъ болѣе ты поэтому не должна сомнѣваться во миѣ и моемъ сердцѣ, потому что холодное желѣзо, покрывающее его, хранить вѣчнѣя чувства только для тебя, для одной! Съ нетерпѣніемъ жду встрѣчи съ тобой, а пока мысленно обнимаю тебя.

Твой Генрихъ.

Былъ вечеръ, чудный лунный вечеръ.

Молодая женщина, высунившись изъ окна, мечтательно глядѣла въ море. Письмо отъ мужа, полученное ею два дня тому назадъ, въ первыя минуты наполнило ее безумной радостью, потому сознаніемъ собственного превосходства и силы и, наконецъ, тихимъ, спокойствиемъ.

Теперь ей было такъ хорошо! Полной грудью выхала она содрогатыи испаренія моря, а взоры ея уходили далеко, — туда на край горизонта. Исполинскій серебряный мѣсяцъ медленно плылъ по небосклону и широкой струей лалъ свое сіяніе на полусиную морскую бездну, мерцающую въ этой лавинѣ свѣта какимъ-то страшнымъ, будто стеклянныемъ блескомъ; только вдоль побережья тинулъ болѣе темный плясъ тѣней, отбрасываемыхъ деревьями и домами. На этой темной полосѣ блестѣла будто искра, разбросанная по водѣ, отраженія горящихъ по набережной огней. Напротивъ, въ сторонѣ Веджай, тоже сверкали двѣ большихъ светлыхъ точки, а передъ ними, окутанный серебристой мглой, дремали неясные очертанія скалистаго островка, который въ ту пору походилъ на гигантскую массу какаго-то таинственнаго существа, вынырнувшаго изъ воды и загадочно высматривающаго что-то въ терпѣливомъ спокойномъ склонѣ.

Съ моря исались теплые, страстныя дуновенія вѣтерка. Въ его дыханіи, въ воздухѣ, въ струяхъ лунного сіянія, — всюду была разлита какая то таинственная сила, неземная мощь, уничтожавшая людскіе существа своимъ величиемъ. Со стороны рыбачьей пристани исались иѣзды страстныя звуки мандолинъ, папающей стройныхъ, звучныхъ музикальныхъ голосомъ.

Стоявшая въ окнѣ дама вдыхала воздухъ

полной грудью и грезила. По страшной причинѣ она въ своихъ думахъ и мечтахъ теперь вовсе не была занята особой своего мужа, за чувства которого она такъ недавно еще опасалась, томилась его отсутствиемъ и жаждою обладать имъ. Письмо мужа вполнѣ у说服ило ее, что онъ принадлежитъ только ей одной, что онъ не уйдетъ отъ нее, покоренный и побѣженный!.. И съ этой минуты, съ момента ея успокоенія, она стала въ ея воображеніи совершенно птичкѣнъ, разсѣялся, будто во мглѣ, какъ и все то, въ обладаніи чего мы вложили увѣрены, что мы уже разъ подѣли побѣженными и брошенными къ нашимъ ногамъ.

Чудная лунная ночь опьянѣла ее, охватывала страстными объятьями обольстителя и разжигала ея воображеніе. Все чаще и чаще, все сильнѣе гредѣ ней представляло теперь въ ея грезахъ смуглое краснѣющее лицо мужчины, стройной, изящной фигуры его, и все винтилье доносилось до нея среди тихаго шопота уснувшихъ волнъ страстнѣи и въ то же время полныя терпѣнія и покорности слова: «А и въ каждую луну

должна явѣстить ее...

Дверь тихо закрылась за уходящей.

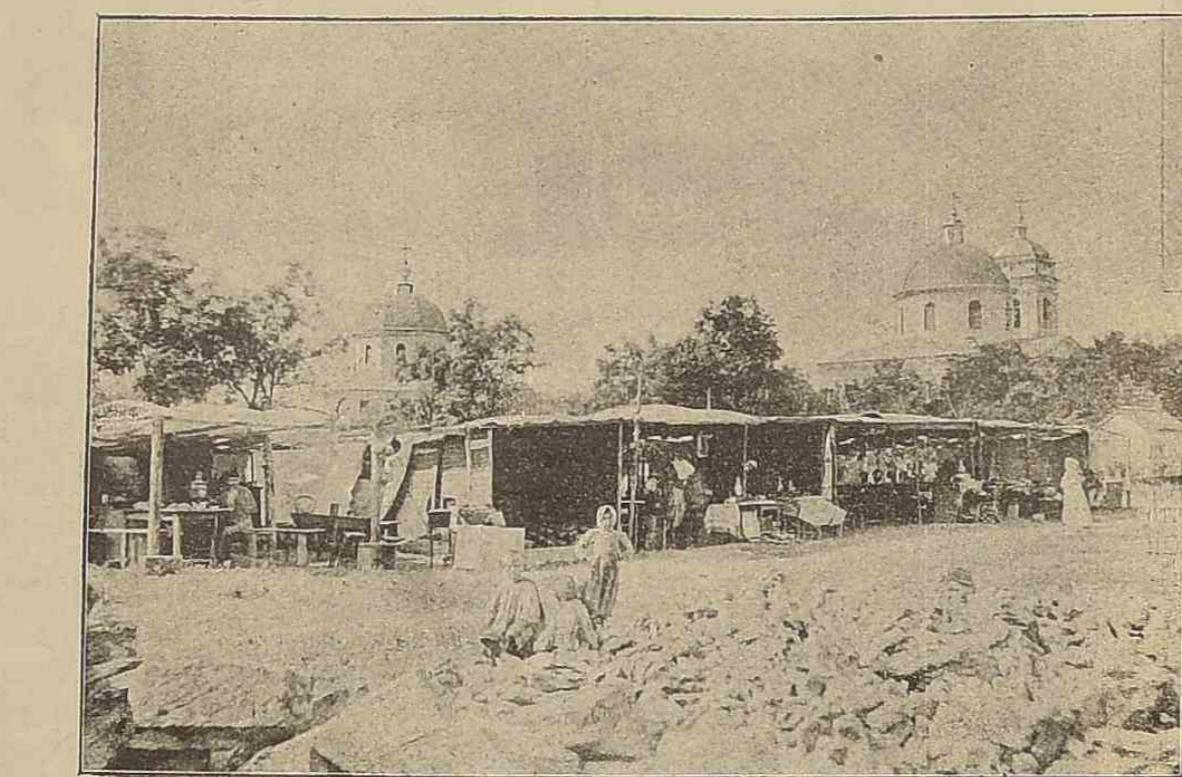
Черезъ открытое окно прывался въ комнату странно опьянющій, пропитанный морскими испареніями воздухъ, а таинственное чудовище въ сторонѣ Веджай сверкало своими багровыми глазами и, казалось, широко раскрывало пасть, готовясь поглотить свою жертву...

Vae victis.

ПРОДѢЛКА МОЛОДОГО БИСМАРКА.

Въ шведской газетѣ «Göteborgsbladet» одна старая шведская лада напечатала слѣдующее воспоминаніе: «когда я была еще очень молодой девушки, приблизительно 60 лѣтъ тому назадъ, миѣ нужно было прости вѣсколько мѣсяцевъ въ Римѣ. Я поехала туда въ сопровожденіи пожилой компаніонки и двухъ горничныхъ. Было решено, что по дорогѣ я остановлюсь на пѣкоторое время въ Берлинѣ. Сестра моего отца вышла замужъ за пѣмца и сына ихъ, иѣмѣцкій кузенъ, какъ мы его называли между собой, посыпалъ въ то время университетъ въ Берлинѣ; я его никогда не видела. Мой отецъ послалъ ему за пѣколько дней до моего отѣзда письмо, въ которомъ просилъ его позабочиться обо миѣ. И благополучно прибыла въ Берлинъ, и здесь меня очень любезно встрѣтила мой двоюродный братъ. Это былъ высокий юноша съ большими усами и живыми блестящими глазами. Въ продолженіе трехъ дней онъ былъ моимъ постояннымъ спутникомъ. Конечно, онъ не зналъ ни слова по-шведски, но зато свободно изъяснялся по-французски. Никогда еще у меня не было такого пріятельского кавалера; я очень гордилась своимъ двоюроднымъ братомъ. Синхронъ быстрѣе настало время моего отѣзда. Кузина, сказала онъ миѣ, когда я уже собралась уѣзжать, миѣ надо сказать вѣдь пѣколько словъ. Видите ли, кузина, я я хочу вамъ только сообщить, что я — не двоюродный братъ вашъ. Дѣло въ томъ, что мой другъ, вашъ иѣмѣцкій кузенъ, настоящий, такъ занять пріотвлѣніемъ къ экзамену, что попросилъ меня вѣдь это исполнить просьбу вашего отца. Мое имя Отто фон-Бисмаркъ»...

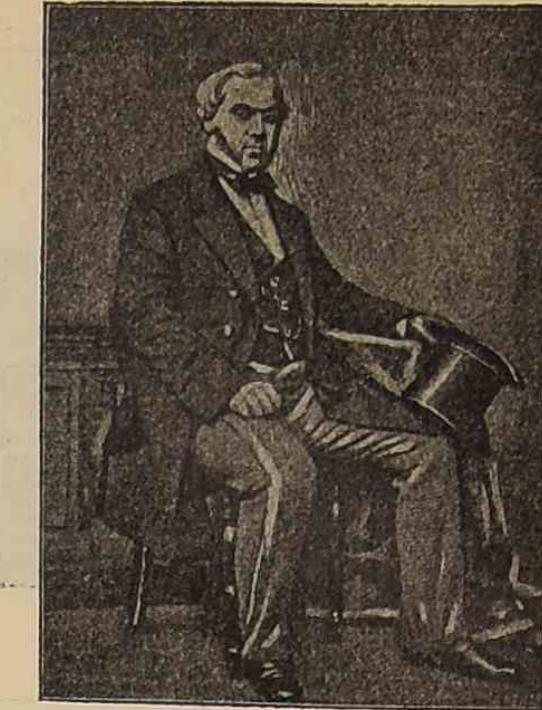
«Прошли десятки лѣтъ. Бисмаркъ сдѣлался государственнымъ канцлеромъ княземъ. Въ 1886 г. я снова приѣхала въ Берлинъ, уже старухой, вышедшей 40 лѣтъ тому назадъ замужъ. Я написала пѣколько словъ на своей визитной карточкѣ и послала ее Бисмарку. Черѣдѣ частѣ я получила приглашеніе, отправляясь во дворецъ канцлера и вскорѣ у пасъ ввязалась самый скандальный разговоръ. „Вѣдь я обязана тебѣ, сказала онъ между прочимъ, — что миѣ удалось поставить музей; съ тѣхъ поръ миѣ не пришло больше тамъ побывать“.

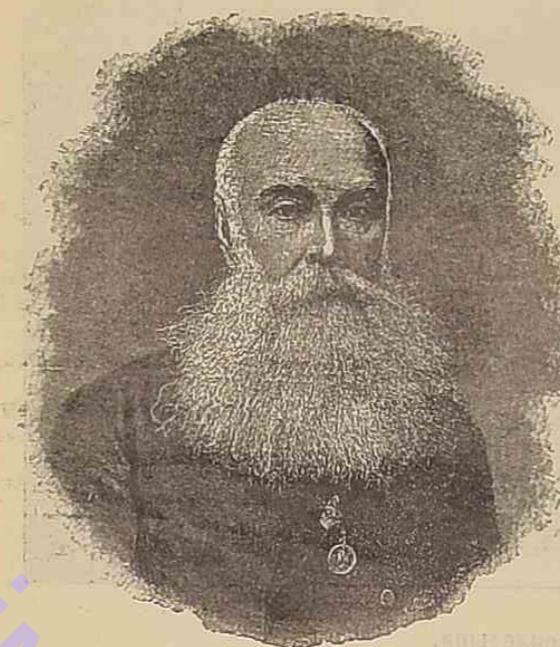
Временный базарь на Б.-Фонтанѣ, близъ Успенского монастыря.

Графъ Ростовцевъ.

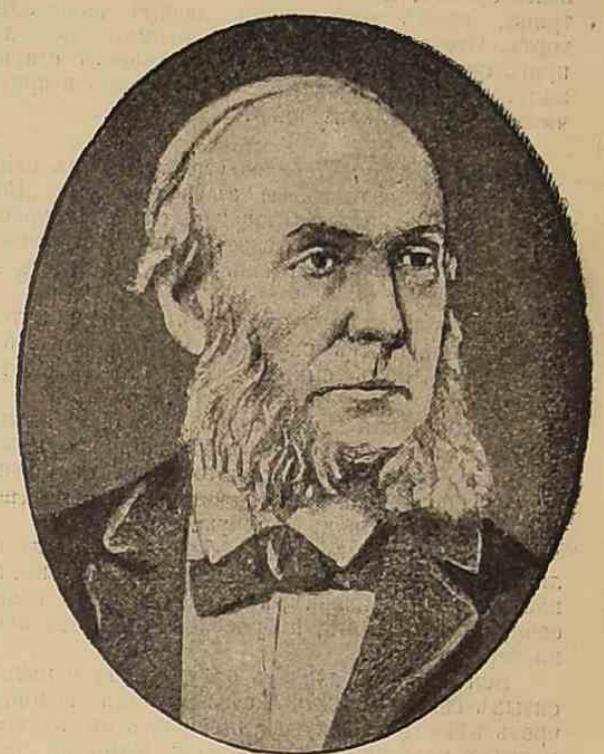
Н. А. Милутинъ.

С. Зарудный.
(Судебная реформа).

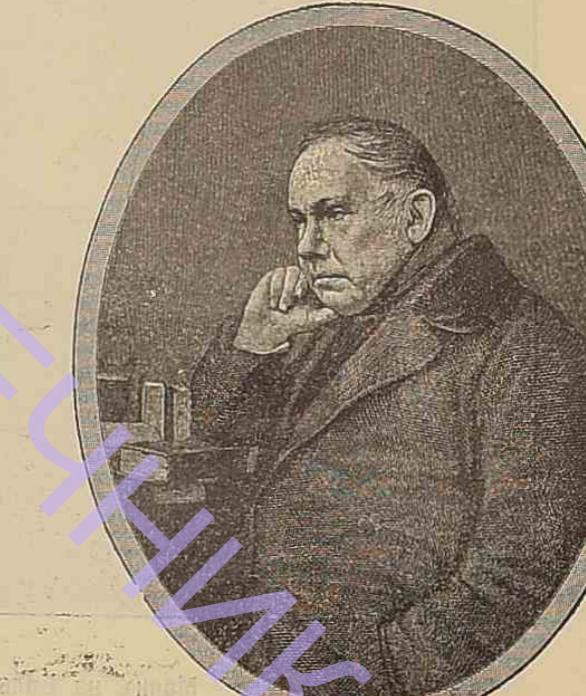
Гр. Д. А. Милутинъ.
(Военная реформа).

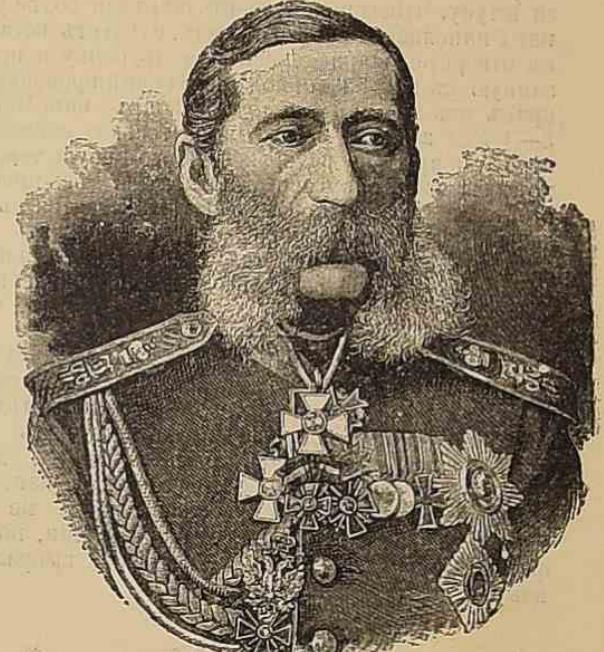
А. Д. Шумахеръ.
(Реформа городского самоуправления).

Гр. Н. С. Ланской.
(Первый министръ внутр. дѣлъ).

В. А. Жуковский.
(Воспитатель Императора Александра II).

Гр. М. Т. Лорисъ Меликовъ.
(Послѣдний министръ внутр. дѣлъ).

Сподвижники Императора Александра II.

Разныя разности.

Какъ ъдять при австрійскомъ дворѣ. Императорская придворная кухня въ Вѣнѣ, сообщаетъ „Wegelin Localanzeiger“, находится подъ вѣдѣніемъ четырехъ главныхъ поваровъ, и у каждого изъ нихъ отъ 15 до 20 помощниковъ, мужчинъ и женщинъ. Кухня раздѣляется на три главныхъ отдѣленія: для императора, императрицы и для наследной принцессы Стефани. Ежедневно на столъ расходуется отъ 850 до 1000 марокъ (425—500 руб.) Больше придворные обѣды обходятся около пяти тыс. мар. (2500 р.), и участвуютъ въ нихъ отъ 50 до 100 лицъ. Продолжаются такие обѣды не болѣе часа.

Императоръ и императрица австрійские очень рѣдко обѣдаютъ вмѣстѣ; обыкновенно они ъдятъ каждый на своей половинѣ. Императоръ есть очень умѣрено и предпочитаетъ простыя блюда. Въ 6 ч. утра онъ пьетъ холodное молоко, кофе и есть свѣжѣе испеченный хлѣбъ. Между 12 и 1 час. ему подаются къ завтраку два простыя блюда. Обѣдъ происходитъ въ 6 ч. Есть онъ обыкновенно въ своей библиотекѣ или кабинетѣ. Очень рѣдко на столъ постигается скатерть. Обыкновенно кушанья передъ нимъ ставятъ на подносахъ.

Императрицѣ подаются къ завтраку въ 9 ч. утра два блюда, свѣжіе плоды и чай съ печеньемъ. Между завтракомъ и обѣдомъ, въ 5 час., она ничего не есть. Обѣдъ состоить изъ двухъ разныхъ суповъ, мяса, овощей и плодовъ. Императрица, кромѣ того, — очень любить шоколадный торты. Чѣть она шипучий коньякъ, спѣциально приготовляемый для нея изъ лучшихъ старыхъ винъ. Императоръ же рѣдко пьетъ вино и предпочитаетъ ему стаканъ пива.

Новый приборъ, чтобы не утонуть. Потъ вліяніемъ ужасной катастрофы съ пароходомъ „Veugogoe“ въ „Revue Scientifique“ описывается простое и въ высшей степени цѣлесообразное приспособленіе, могущее спасти жизнь при несчастномъ случачъ на водѣ.

Авторъ повторилъ со своими двумя дѣтьми, 12 и 9 лѣтъ, опытъ спасанія, который имъ было произведенъ надъ самимъ собою 25 лѣтъ тому назадъ.

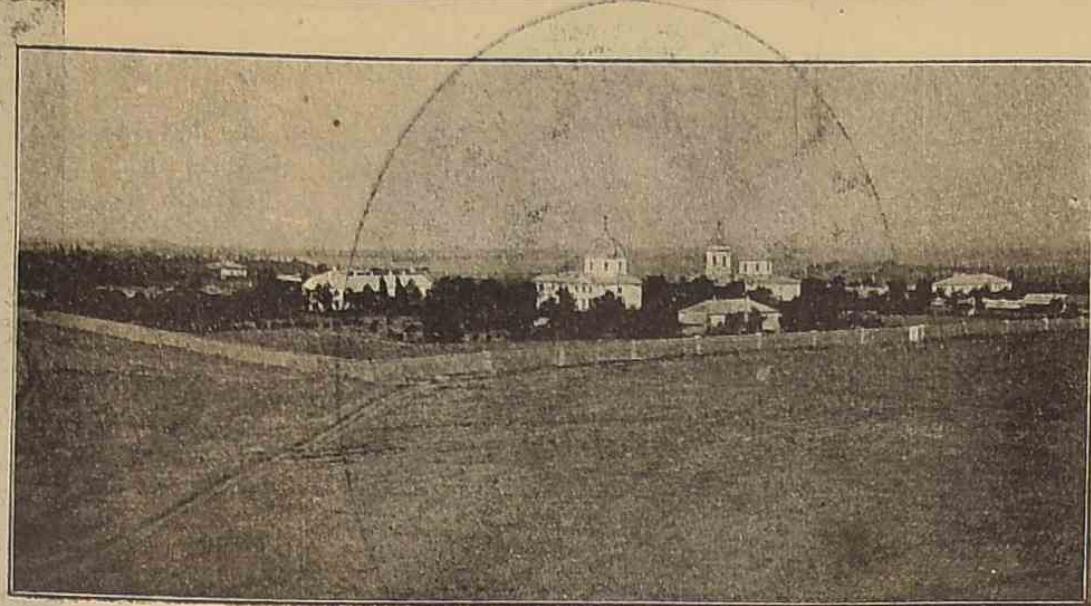
Каждому изъ двухъ дѣтей дана была вещица, по формѣ и величинѣ не отличавшаяся отъ обыкновенія портъ-монѣ, въ которомъ были уложены: конецъ прочной бичевки и четыре пустые шара изъ хорошаго тонкаго каучука.

По данному сигналу, ребенокъ открылъ футляръ, надуль каждый изъ четырехъ шаровъ, привязанныхъ къ бичевкѣ, которую обвязалъ вокругъ себя, какъ поясомъ, и бросился въ набѣгавшую на берегъ волну.

Вся операция длилась одну минуту и пять десятыхъ секунды. Дѣти исчезли подъ водой, но чрезъ нѣсколько секундъ появились въ нѣсколько метрахъ разстоянія отъ берега: шары не потерпѣли ни малѣйшаго поврежденія и дѣти, скрестивши руки на груди, превосходно плавали, какъ поплавки.

Шары большого калибра, вмѣщающіе до 12 литровъ воздуха продаются у насъ по платочку за штуку. Чтобы приспособить шаръ для болѣе удобнаго наполненія его воздухомъ, слѣдуетъ вставить въ отверстіе шара деревянную трубочку и привязанную къ ней на тошкомъ шнурочкѣ пробочку или крацъ изъ твердаго каучука. Шаръ наполняется 3—4 вдыханіями. Необходимо только соблюдать, чтобы шары не потерлись о чтонибудь твердое, хотя бы даже о пуговицу на платѣ. Весь приборъ стоитъ нѣсколько копѣекъ и укладывается въ маленький футляръ, который слѣдуетъ держать всегда при переѣздахъ по водѣ подъ руками, напримеръ, на пуговицѣ пальто или пришиленнымъ на груди.

Венера Милосская. Рейнахъ, хранитель Сен-Жерменскаго музея, напечаталъ въ „Chronique des arts“ результаты своего нового изслѣдованія о знаменитой статуѣ, известной подъ именемъ Венеры Милосской. Онъ старается доказать, что эта Афродита (Венера) Милосская, гордость и звезда луврскаго музея, вовсе не Венера, не богиня красоты, любви и граціи, но Амфитрита, супруга Посейдона, который выбралъ ее изъ персидъ.

Видъ на Успенскій монастырь съ маяка Большого Фонтана.

Святые врата монастыря.

Маякъ на Большомъ Фонтанѣ.